

Без грима

режиссера Антуана Витеза. Затем был Голубков в «Беге». Хорошо пошло. К тому же это был период, когда у Андрея Александровича Миронова был конфликт с Плучеком, и я был, что называется, на подхвате. Сейчас думаю: был бы Миронов другим человеком, задавал бы меня в секунду.

— Каким он был?

— Он мог быть абсолютно разным. В общении с Мироновым всегда была дистанция. Он допускал только тех, кто был ему интересен.

— Никогда не смущало, не возмущало, что вас называли его двойником?

— Действительно, мне иногда говорят, что моментами я физически бываю невероятно похож на Миронова. Но я же его не ко-

Миронова. Ходили посмотреть, как ЭТО делает Васильев.

— Ваше впечатление от книги Егоровой об Андрее.

— Я проработал с Мироновым одиннадцать лет и не видел этой сумасшедшей любви, о которой она пишет. Я присутствовал при начале многих его романов и знал, что он любил многих женщин. Я это видел и знаю. Но там, в книге, есть еще один момент — удар в спину. Что ж она не говорила все это в лицо? Есть некая игра на Миронове... будто только она и заботится о его памяти... Будто бы ей дали наказ — отомстить Театру Сатиры. Бог ей судья. Мне ее жаль. Но литературно — там есть превосходные, талантливые куски.

— Когда ушли из жизни Папанов и Миронов, закончился театр Плучека. Вы, конечно, помните те жуткие дни в восьмидесят шестом. Что происходило тогда на гастролях?

— Это было в Риге. В день гастролей смотрю: все ходят с каменными лицами. Что такое? Говорят, замена спектакля, не приехал Папанов. Все подумали, что он «развязал». Потом узнали, что московская квартира Папанова снята с сигнализации. Значит, что-то серьезное. Потом сообщили, что когда вскрыли дверь квартиры, Анатолий Дмитриевич лежал в ванной... Остановилось сердце. В квартире больше никого не оказалось.

В спектакле «Виктор, или Дети у власти»

пирую, просто близок к нему — надеюсь, что близок, — по внутреннему ощущению театра. У нас с ним были интересные совпадения... Откуда, например, я знал в своем Новосибирске, что буду так же любить Синатру, как и он?! Или то, что его в свое время тоже не взяли в Вахтанговский театр. Мне тоже, как ему, очень рано дали «заслуженного». Общим было отношение к деньгам. Он их никогда не считал, тратил легко, красиво, особенно на гастролях. Любил ощутить свободу за границей. И меня за это любил. У Миронова был ко мне интерес. Он видел, что я работаю. Мы пили с ним на брудершафт, но на «ты» я так и не смог перейти. И он со мной на «вы». Однажды написал моей маме: «От поклонника вашего сына». Есть слова, которые потом ценишь выше любых званий. У меня хранится программка спектакля «Тени» с надписью Андрея Александровича: «Юра, восхищаясь вашей работоспособностью, увлеченностью. Ваш Андрей Миронов».

— Это правда, что у Миронова были проблемы с музыкальным слухом? В это трудно поверить.

— Он поздно запел, со слухом действительно были проблемы, он попадал между тональностями. То, что видел зритель, — это все работа, бешеная работа. Помню, он без конца репетировал степ. Кроме того, Андрей Александрович был физически зажат, мог случайно ударить, сильно задеть на сцене. И всегда с этим боролся. Потом... у него была тяжелая болезнь... После спектакля все рубашки были в крови. Он играл, каждый раз перевозмогая жуткую боль. Дело в том, что у него был комплекс ПОЛНОЦЕННОСТИ. Он считал, что должен все уметь, все мочь. Комплекс успеха. Всерьез боялся, что его запомнят только по «Бриллиантовой руке». Для него страшной трагедией было то, что почти не заметили «Фантазии Фарятьева», где он играл предельно драматично.

В «Трехгрошовой опере» Миронов и Васильев были партнерами. Причем партнерство это довольно необычно выстроилось. Андрей Александрович играл Меки-ножа, Васильеву дали крохотную роль бандита Джимми. Когда-то новосибирский паренек Юра, не знавший нравов московской богемы, был шокирован, узнав о существовании геев. Долгое время слово «голубой» было для него не вполне понятной, но отчего-то распространенной кличкой некоторых мужчин. Так вот, получив роль, он сказал, что сыграет голубого. Это сейчас ко всему привыкли, а тогда из-за подобной «трактовки» могли закрыть спектакль. Сказал, сыграет, и сыграл. Осваивал, так сказать, психофизическое состояние, пластику, приходил в театр задолго до начала спектакля — ему делали завивку, грим, полный женский макияж.

Рассказывали, что на одной из репетиций Плучек крикнул: «Мне нужен здесь оргазм педераста». Васильев привык задачу выполнять. Что-то симпровизировал, выдал. Тишина. Плучек сказал: «Да... ты это сделал... Но ведь нас же закроют!»

Роль Джимми — всего четыре фразы. На «Трехгрошовую оперу» ходили не только из-за

С Андреем Мироновым в спектакле «Время решения»

На девятый день прихожу играть. Все заплаканные, отворачивают лица. Как, ты не знаешь? Вчера Андрея увезли с «Фигаро» в безнадежном состоянии. Помню предельное ощущение нереальности, кошмара. Сидели у Кати Градовой, почти ничего и не говорили. Получилось так, что вся семья Миронова оказалась в то лето в Юрмале. И вдруг звонок. Сказали, что приехал известный нейрохирург, будет операция. Появилась надежда. Потом я ушел к себе, лег спать. Приснилось, что мы играем «Трехгрошовую оперу» и Андрей Александрович снимает шляпу и помахивает ею. Звонок прерывает сон. Беру трубку: «Андрея отключили от аппарата. Аневризма аорты». Еще говорили, что когда он упал за три минуты до конца монолога, то прошептал: «Голова...» И кто-то сдуру сунул ему нитроглицерин. Он договаривал последние слова монолога.

А утром нам играть комедию. Вера Кузьминична Васильева, Зина Матросова, Зиновий Высоковский и я. Все режут. Я их в антракте собираю и говорю, что нам бы Андрей Александрович не простил. Давайте как можем доиграем, в финале остановим аплодисменты, и Вера Кузьминична скажет зрителям о смерти Андрея Александровича. Так и сделали. А по Риге, видимо, уже пошел слух, что Миронов упал на «Фигаро». Помню это ощущение: зритель смотрит на нас, как на зверинец: что будет?

На следующий день Миронова повезли в Москву. Милиция салютовала по дороге.

Он мне говорил несколько раз уже в Риге: «Ну что, преемник, будете выносить меня ногами вперед...»

— А почему не остановили гастролы?

— Я этого не мог понять. Говорили, так распорядился ЦК. А как это? Сколько вылетело спектаклей, и каких! Для меня это был конец театра. На похороны я в обморок упал. Меня Галя, жена, как-то утатила. Плохо помню. Такие похороны были только у Шкушина и Высоцкого.

Потом я играл подряд двенадцать спектаклей. Дежурила «скорая». Кто-то из врачей сказал: «Вот этот мальчик следующий». Еще и так меня сравнивали с Андреем Александровичем. После его смерти у меня была депрессия. Хотелось закончить с театром вообще. Во-первых, я не понимал, почему не приехал Плучек. Потом только увидел, что для него это была страшная трагедия. Мне Валентин Николаевич недавно сказал: мне уже ничего не страшно, я распрощался с театром после их смерти. Ушел весь мой репертуар.

— Пресса активно поддерживала и развивала различные легенды, связанные с уходом Плучека. Что происходило на самом деле?

— Полгода назад Валентин Николаевич почти перестал появляться в театре. Все видели, как ему трудно физически — это при его абсолютно светлой голове. Человеку девяносто один год. Мы начали репетировать Гольдони, «Слугу двух господ», — это выбор Плучека. Я у него был помощником и играл Труффальдино. Замечательный макет сделал Борис Мессерер. А дальше... Может быть, актерский состав его не очень вдохновлял. Не знаю. У него не сложилось ощущения спектакля. На сбор труппы он не пришел. Планов не было, ничего не репетировалось. Естественно, что театр в таком положении оставаться не мог. Потом мы узнали, что у Плучека был Бугаев (бывший начальник Управления культуры Москвы) и предложил покинуть пост художественного руководителя с сохранением должности председателя художественного совета, служебной машины и прочих привилегий.

Чтобы все было этически безупречно, наверное, надо было поехать всему составу художества к Валентину Николаевичу и открыто с ним поговорить. Ведущие актеры говорили с Бугаевым в Комитете по культуре. Ясно, что все боялись обратиться с таким предложением к самому Плучеку. А поскольку предложение последовало сверху, выглядело все достаточно скандально. И тут свою ужасную роль сыграла пресса. Она выдумала какой-то раскол...

А было так. Юрий Васильев поставил «Се-

«Три мушкетера». С Евгенией Симоновой

кретариш» — мюзикл, собравший несметное число хвалебных рецензий. Спектакль был восторженно принят Плучеком. После художественного вечера того же дня, но еще не были готовы костюмы. Сказал, что этот спектакль понравился бы Мейерхольду, что в театр возвращается радость. Говорили, что Андрей Гончаров обязал молодых актеров посмотреть в Сатире «Секретариш». Пошли разговоры о том, что возможным преемником патриарха на посту художественного руководителя, вероятнее всего, будет Васильев. Даже вышла статья, где говорилось, мол, мало кто удивится, если Плучек передаст театр Васильеву. И дальше шла игра слов — кабинет, «секретариш», молодой начальник и т. д.

— Эту «игру» в театре приняли достаточно серьезно. И я имел много неприятностей, менялось отношение ко мне со стороны руководства. С Плучеком я был до конца. Я ощущал, что должен быть с Плучеком, хотя считал, что он не прав, отстранившись от театра. Он кому-то сказал: Ширвиндт — эстрадник. Ему резонно заметили: что же он такого эстрадника столько лет у себя держал? Это всегда бывает в театре — нервы, эмоции, их нельзя выносить на страницы

газеты. Зачем обливать грязью двух уважаемых людей?

Уход, снятие — всегда этически трудный момент. Не должно быть грубо, по-хамски. Плучек отдал театру пятьдесят лет. Одно это вызывает огромное уважение. Наверное, уходить нужно вовремя. Чуть позже — и ты уже многим поперек горла, и это уже не трагедия, а фарс. Я никого не осуждаю, все же живые люди. Но как мне было смотреть в глаза Ширвиндту, если вчера написали, что я претендую на художественное руководство? Это была очень неприятная ситуация. Насколько я знаю, сейчас она разрешилась. Плучек написал примирительное письмо Александру Анатольевичу. Он остался председателем худсовета.

— Как собирается строить работу новое руководство?

— Ширвиндт объявил, что будет ироничным театром. А выбор между тем такой: Арцыбашев репетирует «Орнифль...» Ануя, «Время и семья Конвей» Пристли — драма, это делает Иванов на малой сцене. И ждем Эльдара Рязанова, который хочет поставить музыкальный спектакль.

— Где и в чем можно увидеть Васильева?

— В «Трехгрошовой опере», «Секретариш» и роль в спектакле «Катерина Ивановна» в театре «Модерн».

— А антрепризы?

— Есть одна — «Любите ли вы Брамса?».

Но... Я весь в своем театре. К тому же еще и преподаю в 56-й школе на Кутузовском. А с детьми началось давно. Я возил в Артек фильм Згуриди. Впервые был на фестивале. Такая пьяная тусовка и пять тысяч детей, которые не знают ни русского кино, ни наших артистов. Жюри — дети. Им дают листки, и они сами выбирают, что им понравится. Знают только Шварценеггера и Клаудию Шиффер. Я сказал: «Ребята, очень хорошо, что вы знаете, какой объем мышц у Шварценеггера, какая талия у Клаудии Шиффер, но там вон есть маленький парочка с нашими актерами. Если вы хотите войти в двадцать первый век более или менее культурными людьми, вы хотя бы к нему подойдите, хотя бы поинтересуйтесь, кто они». Потом я давал им мастер-класс. И как-то мне удалось их зажечь...

— Как сейчас живут актеры? То есть я-то вижу как, но что-то непонимаю. Кино почти нет, концертами не прокормишься, в театре зарплата в две тысячи рублей считается хорошей...

— Я не принадлежу к тем актерам, которые считают, что публика не должна знать о подлинной жизни любимых артистов. Мол, пусть думают, что мы катаемся на «мерседесах» и отдыхаем на Гаваях. Чуть это! Я полностью востребованный актер, с положением и званием, мне вроде грех жаловаться. Но мой финансовый статус не сопоставим с западными аналогами. Раньше мы об этом не думали. Лет десять назад можно было на концертах за месяц заработать тысячу рублей. Сейчас же у меня бывали моменты, когда я не мог найти пяти рублей, и приходилось идти в театр пешком! Не верится? Случались дни, когда в доме не было хлеба. А у меня взрослый сын. Жена, например, в свое время вынуждена была продавать шапки на рынке. Кончилось тем, что одну, очень дорогую, у нее украли и все заработанные деньги пошли на покрытие долга. Шмотки я не покупал очень давно. Когда снимался в «Салоне Красоты» в роли нового русского, друзья из Германии прислали какую-то одежду.

Мне бы очень хотелось поехать куда-нибудь на Канары, вообще попутешествовать с семьей. Но при мысли, что надо будет считать гроши... Я сразу ничего этого не хочу.

— В рекламе снимались?

— Снимался. Позор! Но ведь закрываешь глаза! Потому что понимаешь, что ты кормилец! Правда, тут сказывается еще наше совковое представление. Ведь Феллини снимал рекламу, чтобы сделать один из своих шедевров. Но... Если зовут вести день рождения какого-нибудь деятеля — тут стоп, я в этом участия не принимаю. Есть грань, которую я, как профессионал, переступить не могу.

Беседовал Дмитрий ЩЕГЛОВ

Фото из личного архива Юрия ВАСИЛЬЕВА

В.Р. Immigration Service Ltd

ИММИГРАЦИЯ В КАНАДУ

Известный канадский иммиграционный адвокат Dan Miller.

Помощь при переселении, трудоустройстве и адаптации.

Тел. в Торонто - (416) 225-70-49

Представительство в Москве - (095) 236-84-15

Интернет: <http://www.interlog.com/~bpcanada>